

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Егоров Вячеслав
Одиночество

Вячеслав Анатольевич Егоров

Одиночество

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56277058

SelfPub; 2020

Аннотация

Что есть жизнь? А что есть жажда жизни – чужой жизни. Сколько больной разум рождает желаний? А боль всего мира? Что рождает оно? Кровавую жатву начал бог рожденный желанием больного мира. Содержит нецензурную брань.

– Да ябала одна.

– Что за хрень еще, – спросил небритый тип.

– Да типа шевертни просто.

– Что это значит, – начал злиться небритый. – Говори нор-

мально.

– Я и говорю сыва пулдар ачасем, абба смоки бониэм.

– А-а, – протянул небритый. – Типа меломан?

– Типа музыкант, лидер-баянист я.

– А че можешь? – спросил второй бугай.

– Досконально.

– Чего анально? – снова набычился небритый.

– В смысле оригинально и оптимально.

– Эй, малец, – проклянулся главарь. – Ты это не шути так.

– А может, – сально прищурился второй бугай. – Ты из

разноцветных?

–Э-э я большевик!

–Лады большевик, – главарь перевёл взгляд на второго бу-

гая. – А научить можешь? Его... – кивнул в сторону бугая

головой. –Для маскировки. За скомороха сойдет.

– Ну, если за скомороха то могу. На кожаной флейте.

– А такие бывают разве. – удивлению второго бугая было

неподдельным.

–Ага, у меня как раз собой есть.

Небритый что-то неладное уловил в интонациях послед-

них слов и вновь набычился. Чуйка у него будь здоров. Гля-

дя на него и главарь что-то заподозрил. Они переглянулись

и по их нахмуренным взглядам, стало понятно, что они разгадали нехитрую игру.

– Так что, – начал свою партию главарь. – Комсомолец говоришь.

– А да-а. Сыксыгайна урхамах.

Главарь посмотрел на небритого, передав ему эстафету разговора.

– Урка Макс, – вклинился в разговор второй бугай. – Я знаю его. На Юргамыжском на малолетке в девяносто пятом год корешились.

Главарь с досады поморщился. Товарищ их все дорогу делился своими воспоминания, и надоел хуже горькой редьки, а география его посадки была обширна – весь бывший Союз.

– Кто сыкло? – переиначил непонятное для себя слово небритый. – Комсомолец фильтруй базар.

– Урка Макс сыкло? – вновь вклинился второй бугай, вызвав при этом злость главаря. Тупость кореша стало его доставать, но сделать с этим он ничего не мог. Дрался тот нереально, реакция и скорость у него были запредельными. Главарь сам видел как бугай в легкую, будучи в наручниках разоружил усиленный конвой вооруженный автоматами. Крови было немерено, а сам кореш при этом был невозмутим как памятник. Так его и прозвали – Истукан. Бугай на прозвище не обижался да его-то никто и не трогал, все кого они встречали по пути, вскоре старались не встречаться с ним взглядом. Пусто там было и темно как в липком

омуте. Чухнув что подобного персонажа надо держать рядом главарь прибрал его к рукам, изредка разрешая бугаю пустить, кому ни будь кровь. Из-за этого репутация кодлы была сквернее никуда. Так они и шарахались по области пытаясь найти выгодное дело, а затем свалить на юга. Понятно все были в федеральном розыске как опаснейшие преступники, но самих героев этот факт ни как не напрягал. А последнее дело было крайне невыгодным и крайне позорным – встретившись на хазе с кетами небритый притаранил наводку на сельскую кассу. Село находилось в достаточном отдалении от основных транспортных путей и, разработав не хитрый план: войти, взять и уйти беглая троица отправилась на дело. Откуда могли они знать, что кореша небритого давно и прочно сидевшие на игле состояли кое у кого на довольствие и за дозу продавали и в розницу и оптом всех и каждого. Засада в кассе была устроена классически: основная группа вооруженная пистолетами в общем зеле, еще две группы автоматчиков по флангам от основной и дополнительный резерв на всякий случай. Запасные засели в кустах дальше обочины единственной однополосной дороги ведущей в село. Их основной задачей было замкнуть ловушку тем самым отрезать налетчикам пути отхода. Кореша-наркоманы описали залетных как лохов, обосновав данное утверждение событиями давней юности периода первой отсидки небритого тогда еще Щегла пытавшего неудачно обнести коммерческий ларек. Ну, засада хоть и серьезная, но в ней особо не

парились – кто кроме как неудачники могли заглянуть сюда на дело? Только вот никто из разработчиков-стратегов не учел присутствие Истукана – бесчувственного садиста, которому для душевного равновесия необходимо было пустить чужую кровь. Естественно засада провалилась. Поняв, что их обманули, сработала чуйка небритого, бугай неистовым торнадо пронесся по окрестностям сельсовета, оставив лежать на земле покалеченную группу. В кассу тоже зашли, но она оказалась пуста. Проклиная корешей, давшим наводку, последними словами небритый из мести за неудавшийся налет поджег здание, на том они и удалились.

Поэтому они и сидели перед невысоким молодым человеком, и слушали его бредни и рассказы, разумно полагая, что тип, который враз вырубил бугая и непринуждённо отправил в нокаут остальных, заслуживает, какого да ни будь внимания.

– Макс сыкло? – повторил бугай. – Э-э Комсомолец ты уверен?

Бугай говорил почти что интеллигентно – что и понятно огромная гематома на пол-лица словно напоминала: «Мал золотник да дорог», а в данном конкретном случае еще и крепок. Встречный удар бугая, встреченный предплечье мальчика ни как не отразился на его здоровье – тот даже не пошатнулся и враз уработал соперника. Сколько бугай не всматривался одним своим глазом на руки пацана, никаких следов жесткого контакта на них не было. – «Непонятка» –

думал главарь, наблюдая за разговором бугая с пацаном. – «Сколько ему? Лет семнадцать?» Росту в мальце было не много от силы метр семьдесят, и по сравнению с ними он выглядел совсем щенком. Но так назвать мальчика удалось только один раз, когда встретили его в лесу. Лес от села, где искатели приключений неудачно брали кассу, находился далеко – километров за шестьдесят, главарь опытный сиделец два дня гнал, не давал отдыха стараясь уйти из негостеприимной области. По пути беглецы разжились едой и выпивкой – обнесли ночью дорожный ларек, а в лес зашли, что бы отдохнуть и раскинуть мозгами, что делать и куда идти. Та то и встретили мальчика сидевшего в глухой чаще около небольшого костерка и жарившего на прутике какую-то птичку. Что это была птичка главарь понял, потом когда очнулся от невидимого удара в голову лежа лицом прямо на каких-то тряпках и перьях.

–Я не знаю вашего Макса. А говорю так, потому что сочиняю стихи.

Бугай замолчал, не зная, что ответить, небритый же сидел в сторонке и не участвовал в разговоре. Он периодически потирал левую сторону груди, куда пришелся чудовищный удар мальчика, отбросивший небритого в сторону, метра на пять. – «Псих», – подумал главарь глядя на щуплого пацана. – «Несмышленьш, оттого и смертельно опасный». Главарь вспомнил взгляд мальчика, когда тот приводил его в чувство – такой пустоты в них нет даже у Истукана. Играть с

ненормальным в разговоры расхотелось. В это же время малец снял с прутика мясо, разделил его на три части и отдал их голодным мужчинам. На вопросительный взгляд главаря пацан сделал неопределенный жест, рукой прокомментировав его:

– Абакапцимари сана?

Что это значит, главарь выяснять не стал, молча, как и остальные заглотив свою небольшую долю мяса и также молча уставился на костер.

– Чо за стихи, – ни как ни унимался бугай. Встретив соперника круче него, бугаю хотелось поговорить.

*– Желтый круг настольной лампы
разделяет свет и тьму.*

Так истоки мирозданья

подчиняются ему... – возвышенно продекламировал малец. – Это только начало. Дальше я не придумал.

Бугай захлопал глазами силясь понять, что только что сказал пацан. Небритый скривился, словно проглотил целиком лимон. – «Надо уходить», – подумал главарь, – «Еще немного и Истукан останется с ним». Главарь заметил, какое неизгладимое впечатление произвел на бугая малец. – «Без Истукана мы не потянем», – резонно решил главарь. Бугай был основной и единственной неодолимой до сегодняшнего дня силовой единицей.

– Уходим, – коротко бросил главарь, вставая и, тем не менее, не делая резких движений. Ему все больше не нравился

взгляд мальчика. Что-то изменилось в них, сейчас это был голодный зверь. Небритый успел сделать только два шага, как услышал за спиной неясный шум. Повернув голову, он застыл от невероятности происходящего. Малец одной рукой держал за шею бугая, другой выкручивал его голову, словно какую-то лампочку. От хруста шейных позвонков небритого затошнило. Рядом пятясь, прошел главарь, и на его абсолютно белом лице не было ни кровинки. Так они шли пока голова бугая, с чавкающим звуком не отделилась от головы. Малец перевел на них взгляд и улыбнулся. Вид невысокого улыбающегося пацана держащего в руке оторванную голову недавнего кореша послужил спусковым крючком. Не сговариваясь, двое ринулись в сторону, откуда еще час назад зашли в эту страшную чащу. Одновременно оба споткнулись о лежащий на земле ствол дерева и упали. Скорость инерции была еще велика и упавшие выкатились за невидимую границу, возле которой стоял малец с головой бугая в руке и жутко улыбался окровавленными губами. Только сейчас главарь заметил клыки в полуоткрытом рту пацана. Малец же не делал попыток переступить невидимую черту и просто стоял и смотрел на них своими пустыми глазами.

– Б..ть, сидр, – досадливо произнес небритый, уйдя от чащи на приличное расстояние. – У костра оставил. Там еда.

– Забудь, – отмахнулся главарь. – Были б кости, мясо нарастет.

Вспомнив о еде, главарю пришло в голову что мясо, кото-

рое они ели, не совсем выглядела как тушка. И тут главаря осенило: – «Это были не тряпки и перья...» – в следующую секунду его жутко вырвало. Его выворачивало долго, небритый стоял растерянный рядом, не понимая, что происходит, не зная, что надо делать. Наконец в желудке стало пусто, а в голове прояснилось. – «Нормально», – кивнул напарнику главарь, продолжая движение. Выбрав направление, северо-запад они скрылись в закате багровой завесой нависшей на темнеющем небе.

На удалении периодически воздевая голову вверх, за ними шел молодой человек скорее даже ребенок, босиком, по пояс голый. На ремне его рваных когда-то модных джинсов привязанная волосами висела обескровленная голова. Молодой человек периодически останавливался и декламировал в небо:

*– Желтый круг настольной лампы
разделяет свет и тьму.
Так истоки мирозданья
подчиняются ему...*

Дальше он не помнил и не мог помнить, девушка успевшая прочитать ему начало стихотворения умерла жутко и страшно. Ее кисть то и ели незадачливые грабители у костра. Кровь девушки оказалась достаточной для того что бы плотоядная роца окончательно трансформировалась в прямоходящее существо, а ее знания жизни составили первое понимание мира. Кровь и осознание другого убитого быв-

шего самым убийцей позволило существу выйти за пределы его бытия и войти в другой более насыщенный мир, где возможно есть еще кровь, которое позволит ему и дальше подниматься вверх по эволюции и что бы в итоге стать тем, кем ему предназначено стать – стать богом.

А пока те двое, что идут впереди поделятся с ним своей жизнью и разнообразят его одиночество. Одиночество, невозможное заполнить ничем, ничем кроме крови и новой жизни. Неумной жадной крови и новой жизни. Это одиночество кровавого бога.

В оформлении рассказа использовалась фотография автора: Pixabay

<https://www.pexels.com/ru-ru/photo/70365/>

Лицензия СС0